

10. Псевдо-Лонгин. О возвышенном. – Москва-Ленинград, 1966.
 11. Гоголь Н.В. Арабески. – М., 1990.
 12. Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями. – М., 1990.
- *Здесь наблюдаем переключку с лиотаровской критикой чувственного айстесиса: «Айстесис может только вытеснить истину пафоса, как церковная пышность вытесняет присутствующего в сердце Христа» [7; 60]

Анотація

Статтю присвячено аналізу сучасного розуміння категорії піднесеного. Ідеї Ліотара про анестетичне піднесене проілюстровані на матеріалі творів Гоголя. Стверджується, що характер гоголівського піднесеного полягає в реалізації художньої стратегії апофатичної репрезентації Абсолюту.

Аннотация

Статья посвящена анализу современного понимания категории возвышенного. Идеи Лиотара об анестетическом возвышенном проиллюстрированы на материале произведений Гоголя. Утверждается, что характер гоголевского возвышенного состоит в реализации художественной стратегии апофатической репрезентации Абсолюта.

Summary

The article is devoted to the analyses of modern understanding of the category of sublime. Liotard's ideas of anaesthetic sublime have been illustrated by the works of Gogol. It is claimed that character of Gogol's sublime lies in carrying out the artistic strategy of apophaticre presentation of the Absolute.

Звигнячковский В.Я. (Киев)

КОМЕДИЯ «СМЕШНЕЕ ЧЕРТА» («РЕВИЗОР» КАК ОБРАЗЧИК СМЕХОВОГО ИСКУССТВА «УКРАИНСКОЙ ШКОЛЫ»)

Сын драматурга и режиссёра, можно сказать, выросший в театре в Кишинёве, Гоголь недаром уже в Нежинской гимназии был незаменимым актёром-комиком в гимназических спектаклях. Получив первое литературное признание как прозаик, став «с Пушкиным на дружеской ноге», 26-летний Гоголь остро почувствовал себя не-

реализованным комедиографом. Жалуясь, что «Миргород» и «Арабески» не продаются и не приносят дохода, он просит Пушкина: «Сделайте милость, дайте какой-нибудь сюжет, хоть какой-нибудь, смешной или не смешной, но русский чисто анекдот. ... Сделайте милость, дайте сюжет, духом будет комедия из пяти актов, и, клянусь, будет смешнее чёрта. Ради Бога...» [1; 122].

Потомственный автор комедий, Гоголь чувствовал себя в силе написать «смешнее чёрта», т.е. победить чёрта смехом. Где-нибудь в родных Сорочинцах, на ярмарке в вертепе, Гоголь не раз видел, каким образом Казак побеждает Чёрта: он его выставляет в смешном виде!.. И, быть может, не случайно в письме к Пушкину Гоголь приписал, что просит о сюжете (т.е. собирается писать свою комедию) «ради Бога»... И он отнюдь не «хлестаковствовал», когда почти 12 лет спустя писал Шевыреву: «Уже с давних пор только о том и хлопочу, чтобы после моего сочинения насмеялся человек над чертом». Это был ответ на приводимую Шевыревым «мысль русского и христианского комика: дьявол первый дурак в свете и над ним надобно смеяться». И поскольку эта мысль не принадлежала самому Шевыреву, а, по его утверждению, была цитатой из его бесед с реальным странником из простонародья, который собирался в Иерусалим, Гоголь в своем ответе еще замечал: «Я бы очень желал знать, откуда происхождением тот старик, с которым ты говорил. Судя по его отзывам о черте, он должен быть малороссиянин» [2; 356].

Но вернемся к осени 1835 г. Пушкин, видимо, получил письмо Гоголя перед самым отъездом из Михайловского в Петербург и потому не ответил. Едва прибыв в Петербург 23 октября, Пушкин встретился с Гоголем и щедро подарил ему «свой» сюжет.

Впрочем, до сих пор так и неясно, «свой» ли сюжет «подарил» Пушкин Гоголю – или просто вернул ему его же собственный рассказ о Павле Петровиче Свиныне. Рассказ, который теперь, оказалось, был нужнее самому Гоголю. Версию о том, что это именно Пушкин изначально рассказал Гоголю случай со Свиныным, вряд ли можно принять, ведь это именно Гоголь в своё время был сотрудником «Отечественных записок» Свинына. Смысл издания состоял в том, чтобы познакомить читателя с обширными просторами Российской империи и многочисленными народами, её населявшими. Малоизвестные литераторы поставляли Свиныну свои повести, которые он и печатал с продолжением в тоненьких (по словам Гоголя, «не толще букваря») книжках своего журнала. С 1826 по 1830 гг. в «Отечественных записках» Свинына были напечатаны: «Киргизский пленник», «Абдряш, башкирская повесть», «Даржа, калмыцкая повесть», «Кыз-

Брун, черкесская повесть», «Исак, татарская повесть» и, наконец, «Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала. Малороссийская повесть (из народного предания), рассказанная дьячком Покровской церкви»...

Надо сказать, что последняя, появившаяся в журнале без подписи автора (если не считать автором «дьячка Покровской церкви») выделялась среди всех каким-то болезненным интересом к «чертовщине». Сам главный герой, Бисаврюк (от украинского слова *bic*), является страшноватым представителем нечистой силы, с которым не только юный Петрусь – герой повести, но, кажется, и сам её автор справиться не могут...

Однако П.П. Свиньин не ограничивался помещением в своём журнале разных баек и легенд из жизни народов империи, но и лично отправлялся в путешествия по её экзотическим уголкам. Так, после того, как в февральской и мартовской книжках «Отечественных записок» за 1830 год появилась «малороссийская повесть», в апрельской книжке, как сообщает Гоголь маменьке, выходит «Полтава» Свиньина. Там юный писатель, хотя и «природный житель Полтавы», нашёл много «нового и доселе неизвестного».

Читая сегодня «Полтаву» Свиньина, поражаешься высокомерию, с каковым автор обращается с уважаемыми жителями украинской губернии. Так, например, Котляревского, которого Свиньин называет «единственным малороссийским поэтом», он учит, как надо «правильно» писать его «Энеиду»... Не удивительно, что этого издателя захудалого журнала многие считали важным чиновником, приехавшим «с ревизией», т.е. для проверки местных государственных учреждений. После Украины отправившись в Молдавию, ещё «не охваченную» вниманием «Отечественных записок», Павел Петрович так увлёкся, что уже сам стал представляться важным чиновником и вполне сошёл за такового, так что даже стал ходить по тырьям и брать у заключённых прошения в суды о пересмотре их дел...

Впрочем, подобное довольно часто случалось не только на многонациональных окраинах, но и в центре огромной империи, откуда, по словам Гоголя, «хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь». Туда, к Уралу, как мы помним, в 1833 г. отправился Пушкин, с разрешения самого царя, собирать материал о Пугачёве. По дороге он решил заехать на Нижегородскую ярмарку, но опоздал и явился в Нижний просто проездом и как будто без всякого дела. И вот тут особой бдительностью в отношении путешествия поэта отличился генерал Бутурлин. 2 сентября 1833 г. Пушкин не без удивления писал жене из Нижнего Новгорода, где Бутурлин был

губернатором: генерал-де «принял мило и ласково, уговорил меня обедать завтра у него»...

Что же выяснилось по приезде поэта в Оренбург? Тамошний губернатор, давний приятель Пушкина, со смехом показывает ему письмо, полученное от Бутурлина. В нём нижегородский губернатор по секрету сообщает оренбургскому: литературные занятия «титularного советника Пушкина» – всего лишь предлог для его поездки по губерниям. На самом же деле «титularному советнику Пушкину» приказано секретно «обревизовать» действия губернских чиновников...

В сознании Пушкина эта история соединилась с поездкой Свинына, о которой, видимо, в своё время рассказал ему Гоголь. И вот среди множества листков, на которых Пушкин записывал сюжеты для будущих произведений, появляется и такой: «Свинын приезжает в губернию на ярмарку – его принимают за ревизора... Губернатор честной дурак – губернаторша с ним кокетничает – Свинын сватается за дочь». Затем Пушкин зачёркивает фамилию Свинын, сверху пишет вымышленную – Криспин [3; 431], явно собираясь использовать этот сюжет (по-французски *crispin* – комедийный слуга, шире – комический плут).

Впрочем, как уже было сказано, случаи, подобные случаям со Свиныным в Молдавии (известным также и Гоголю) и с самим Пушкиным в Нижнем Новгороде, были широко распространены в Российской империи. Здесь каждый мелкий столичный чиновник мог наделать шуму в губерниях, ибо каждый губернский чиновник дрожал за своё место: рыльце-то было в пушку...

Согласно Аристотелю, комедия «выводит людей худших, хоть и не во всей их подлости: ведь смешное – лишь часть безобразного». И это точно так и есть. Вот, например, Городничий – хапуга и хам, но не изверг, не зверь, при желании в нём можно найти немало человеческого... А Хлестаков, конечно, ничтожество, но ведь и он не лишён таланта – вот хоть бы таланта вдохновенного вранья... Мы можем даже полюбоваться Хлестаковым и посочувствовать Городничему. Но при одном условии: что они всё-таки «хуже нас». Т.е. при условии, что сами мы не хамы и не ничтожества. Уж чего-чего, а этого в нас нет...

Здесь, однако, наша современность или хотя бы более близкие к нам времена, чем Древняя Греция, обнаруживают тонкую и часто невидимую грань отношений. Древняя Греция знала чёткое «мы» (мы, жители данного полиса) и чёткие нормы поведения для «нас». Этим нормам обучал театр, который древние греки недаром называли «школой для взрослых»...

А если ты сознательно переступаешь нормы или просто даже сомневаешься в них?.. А тогда, будь ты хоть сам Сократ, тебя

подвергнут предупреждающему публичному осмеянию в комедии, как Аристофан Сократа... И когда Николай I хохотал от всей души на премьере «Ревизора», он тем самым как будто бессознательно пытался в России XIX века возродить древнегреческий театр. Ведь хохот его означал по сути вот что: я, царь этой страны, и присутствующие здесь в театре моей столицы лучшие люди этой страны, лучше тех плохих чиновников, к которым приедет настоящий ревизор и от моего имени («по именному повелению») с ними разберётся!

Но история и литература говорят нам совсем другое. Из истории и литературы мы знаем, что Петербург XIX века меньше всего на свете напоминал древние Афины. «Жадная толпа, стоящая у трона» – вот та «крожа», которой «неча на зеркало пенять». Зеркало, кстати, ещё и щадящее, «всей их подлости» не показавшее... Большинство зрителей, будучи хоть капельку честны с собой, легко могли бы отождествить себя с одним из персонажей комедии. Сам Гоголь неоднократно утверждал, что Хлестакова «писал с себя»...

А теперь вспомним, что в финале говорит Городничий:

–...Найдётся шелкопёр, бумагомарака, в комедию тебя вставит...

Чина, звания не пощадит, и будут все скалить зубы и бить в ладоши. Чему смеётесь? – над собою смеётесь!

По контексту эти слова явно обращены не к подчинённым Городничего, а к зрителям комедии. Так что никакого «античного театра» не получается: там смеялись над теми, «кто хуже нас», тут – «над собою». Даже царь это понял, и, от души нахохотавшись, заметил: «Всем досталось, а мне больше всех». Мы ещё выше оценим ум и догадливость царя, если учтём, что реплики «Чему смеётесь? – над собою смеётесь!» не было в первоначальном тексте монолога Городничего, произносимого в высочайшем присутствии.

В чём же, в таком случае, главная идея комедии? Иными словами – зачем Гоголь её написал? Каково собственно авторское отношение к происходящему на сцене?.. В чем пафос комедии Гоголя? В гневном обличении «отдельных недостатков»?.. В громоподобном, царственном хохоте от всей души над какими-то провинциальными дураками или даже над всеми чиновниками империи, включая и самого императора?.. В таком случае перед нами сатирический пафос (от лат. *satura* – смесь, т.е. смесь весёлого с безобразным, смесь гнева и смеха), направленный на острое, уничтожающее осмеяние человеческих недостатков и пороков. Объектом сатирического осмеяния, как правило, являются такие недостатки людей, которые автор считает, во-первых, не присущими себе самому и, во-вторых, временными, т.е. такими, которые могут и должны быть искоренены. Сами же носители

этих «отдельных недостатков» могут и должны быть перевоспитаны путём строгого наказания. К ним едет ревизор!

Однако интересно: деньги – это временно или уже навсегда? Вопрос не праздный: от ответа на него зависит, временными или вечными, общечеловеческими считать такие недостатки, как продажность или мошенничество, высмеянные, в ряду прочих, в комедии Гоголя? А если их следует считать вечными, общечеловеческими, то и пафос возникает совсем другой. Ведь и мудрый участвует в суете – и чем же тогда спасается его мудрость?.. А она до поры до времени, до очередного комического (но в жизни чаще – трагического) момента истины, спасается юмором. Объектом юмористического осмеяния, как правило, и являются «вечные», «общечеловеческие» недостатки. По крайней мере, такими считает их автор юмористического произведения. И если читатель внутренне разделяет это убеждение автора, он смеётся вместе с ним. Юмор есть некое текучее состояние (от лат. *humor* – влага, жидкость), способствующее лёгкому, весёлому отношению к, в общем-то, тяжёлой, невесёлой жизни.

Судя по реакции зрителя-императора, исполнители ролей на премьере в Александринке всё же больше задевали сатирические струны в душе публики, старались изобличать в своих героях глупость, грубость, провинциальность и т.п. «перевоспитуемые» черты. А Гоголь остался недоволен и самим спектаклем, и в особенности – зрительской реакцией. В «Театральном разъезде после представления новой комедии» Автор заявляет:

– Мне жаль, что никто не заметил честного лица, бывшего в моей пьесе... Это честное, благородное лицо был – смех. Он был благороден, потому что решился выступить, несмотря на низкое значение, которое даётся ему в свете... Нет, смех значительней и глубже, чем думают. Не тот смех, который порождается временной раздражительностью, жёлчным, болезненным расположением характера; не тот также лёгкий смех, служащий для праздного развлечения и забавы людей – но тот смех, который весь излетает из светлой природы человека... Засмеяться добрым, светлым смехом может только одна глубоко-добрая душа. Но не слышат могучей силы такого смеха...

В сущности, это тот самый народный, бесстрашный, «ярмарочный» «хохот от всей души», какой на премьере «Ревизора» мог себе позволить только царь, т.е. единственный чиновник, не боявшийся ревизоров и ревизий. А ведь в чиновничьем государстве – все чиновники. Даже Пушкин – «титularный советник». Осип Сенковский сетовал, что современная публика умеет только улыбаться, «и то кончиками губ, тихо, незаметно». Сенковский всем советовал научиться

смеяться «тем «высоким смехом» во всё горло, которым и донныне ещё смеются в украинских степях».

Но украинец Гоголь смеётся, видимо, иначе, чем, даже смеясь вместе с ним, смеются русский царь, русские чиновники и даже русские литераторы и, что хуже всего, русские актёры. Всем им приходится объяснять, что «смех значительней и глубже», чем они думают. Никто до сих пор так и не видел на сцене того настоящего Хлестакова, которого некогда собирался сыграть сам Гоголь. Аполлон Григорьев прозорливо называл эту роль «не выполнимой никаким великим актёром» [4; 251]. Тайну этого образа никто до конца не разгадал. Можно лишь выдвинуть два очевидных предположения:

- 1) Хлестаков – главный герой комедии;
- 2) авторское отношение к Хлестакову изначально «закодировано» под знаком иронии, заданной самим названием.

Итак, Гоголь с самого начала пользуется простейшим приёмом создания комического образа – иронией. Иронии как тропу соответствует юмор как пафос. Ирония – это, по своей изначальной сути, притворство. Говорящий иронически «притворяется», будто даёт себя обмануть всем тем, кто только этого пожелает, и что даже явный вымысел и бред он принимает за чистую монету.

Если бы Хлестаков был настоящим ревизором, то ироническое (притворное) отношение Городничего к «игре» Хлестакова было бы вполне оправдано и принесло именно тот результат, на который рассчитывал Сквозняк-Дмухановский, когда решал: «Подпустим и мы турусы: прикинемся, как будто совсем и не знаем, что он за человек». Подыграв настоящему ревизору, который для какой-то своей цели решил прибыть инкогнито, Сквозняк-Дмухановский первым делом выведal бы эту его настоящую цель.

Этим и занимается Городничий в первом действии – и, как ему кажется, добивается успеха. Ведь если предложение взятки ревизору – уже само по себе преступление, за одно которое Городничего можно арестовать, то предложение денег взаймы несчастному проезжему, попавшему в беду, – благородный поступок! И если настоящий ревизор деньги взял – значит, он просто ловкий взяточник, придумавший новый способ брать взятки. Ирония со стороны Городничего, помноженная на такую же иронию со стороны настоящего ревизора, как минус на минус, давала бы плюс.

Но дело-то в том, что нет никакого настоящего ревизора, «тонкой шутки». Нет ревизора, который играет с Городничим в его игру. Есть «всего лишь» Хлестаков, со стороны которого в первом действии

ещё нет никакой игры и нет никакой иронии. Он по-настоящему напуган и несчастен, отчаянно барахтается, выкручивается. У него то же самое чувство, что и у Городничего: он попал в капкан, и вот сейчас его арестуют и, может быть, на долгие годы посадят в тюрьму!

В специальном «Предупреждении для тех, которые пожелали бы сыграть как следует “Ревизора”», Гоголь настаивал: «Смешное обнаружится само собою именно в той серьёзности, с какою занято своим делом каждое из лиц, выводимых в комедии. Все они заняты хлопотливо, суетливо, даже жарко своим делом, как бы важнейшею задачей своей жизни. Зрителю только со стороны виден пустяк их заботы. Но они сами совсем не шутят и уж никак не думают о том, что над ними кто-нибудь смеётся».

Зато они-то сами до поры до времени иронически посмеиваются над законом, над моралью, над жизнью и друг над другом. Опять-таки, будь Хлестаков настоящим ревизором-взяточником, он вместе с Городничим посмеялся бы над нами, честными людьми. Это была бы какая-то комедия наоборот: все её персонажи дружно и от души посмеялись бы над зрителями в зале! Если бы в те времена уже было телевидение, то такая «комедия наоборот» напоминала бы то, что часто происходит с нами теперь, когда мы смотрим, как из телевизора подмигивают друг другу бесчестные политики – якобы противники, а на самом деле сообщники по обману населения...

Однако же «дружно» у них не получилось. «Дав займы» Хлестакову, Городничий сразу успокаивается. К нему возвращается привычное спокойно-ироничное отношение к жизни. И чем далее он ублажает своего «высокого» гостя, тем более благодушным становится и его ироничное к нему отношение. Пусть теперь подчинённые ему глупцы ужасаются и благоговеют перед этим молодым, но столь уже преуспевшим чиновником. Но уж Городничий-то сумеет его окрутить, взять в оборот. Чиновник-то хоть и преуспевающий, но молодой, по своему наивный, влюбчивый, вот он, голубчик, и попался, вот теперь и будет зятем Сквозняка-Дмухановского...

А что же Хлестаков?.. А он, нахал петербургский, едва оправившись от страха, но, видя свою безнаказанность, стал как бы тоже посмеиваться над всеми окружающими. И Городничий это прекрасно видит! Но он-то думает, что они – два сапога пара, что они с ревизором-взяточником нагло ухмыляются друг другу. А он-то, Хлестаков, просто смеётся над ним, Городничим, и над всем его городом, и над всем его уездом, и над всем миром, который он, Городничий, так прочно, удобно и приятно себе вообразил. Здесь, видимо, Щепкин в Малом театре додумал то, что не додумал Сосницкий в Александринке. Ведь

щепкинский Городничий, говорят, был не просто провинциален, а по-украински провинциален. «В исполнении Сосницкого Городничий являлся без явных признаков провинциальной грубости, своим благородием и степенностью напоминая даже столичного чиновника, – пишет Юрий Манн. – У Щепкина – это беззастенчивый хапуга во всей грубости и необразованности» [5; 165].

Кстати сказать, в ранней комедии Г. Квитки «Приезжий из столицы, или Суматоха в уездном городе» все это тоже есть. Но все это как-то обыденно: просто картинка местных нравов. Кстати, тоже очень язвительная и смешная. У Квитки полицмейстер спрашивает городничего: «Фома Фомич! Как ревизор в улицы въедет, не прикажете ли кричать ура?» Псевдоревизор Пустолобов говорит то же самое, что и Хлестаков: «Со мною без чинов» [6; 51, 55]. Однако все портит Ученосветов, некстати оказавшийся в том же уездном городе однокашник Пустолобова, своими тихими и (прибегнем к анахронизму) интеллигентскими сомнениями. Он, видите ли, сомневается, что «повеса Пустолобов», выгнанный из университета за дурное поведение, теперь «великий, важный и даже умный» человек.

В мире Гоголя нет места интеллигентским сомнениям. У него вообще дело не упирается в оценку характеров. Как точно указывает Ю.В. Манн, автор «Ревизора» «по художественной ткани комедии характеров осторожно, не разрушая ее структуру, пропустил одну-две еле заметные гротескные нити». Эти «нити», по мнению гоголеведа, напрямую связывают Гоголя с «древними истоками народного театра», прежде всего с украинским вертепом [5; 199]. Так что «борьба Гоголя с чертом» была частью той борьбы, что испокон веков ведет «против черта» некий собирательный, коллективный «русский и христианский комик». Или, по уточнению Гоголя, «малороссийский» и христианский. Издевательский смех Хлестакова к финалу всё более нарастает и прорывается письмом к Тряпичкину. В смехе Хлестакова, в отличие от иронии Городничего, нет и тени «притворства», т.е. иронии, но есть нечто совершенно противоположное...

Мы помним, что ирония соответствует юмору, а также помним, что соответствует сатире. На миг попробуем принять мировоззрение Городничего – мировоззрение «можновладца». Решим всегда смеяться над всем. Ничего не принимать всерьёз. Верить лишь формально, «про людське око», в то, что на свете, кроме наших повседневных желаний, есть ещё что-то великое, героическое. Можно, если нужно, вслух признать, что, например, Александр Македонский – герой. Но странно по этому поводу волноваться, «стулья ломать», как если бы мы и впрямь верили, что в жизни иногда встречаются герои...

Человеку, который не в виде эксперимента, как мы с вами, а на самом деле принял себе такое мировоззрение, такое отношение к жизни, трудно поверить, во что бы то ни было – например, в Бога. Но представим себе, что есть Бог и есть его противник – дьявол. Тогда последнему и желать более нечего, кроме того, чтобы никто ничего не принимал всерьёз, а все только играли, да подыгрывали, да иронично друг другу подмигивали. А он тогда тоже будет ходить да посмеиваться.

Как именно посмеиваться: вот так же благодушно, легко, иронично?.. Ну, уж нет! Ведь это совсем два разных типа смеха. С одной стороны, всеобщая благодушная *ирония*, притворное приветствие всем от всех, приятие всех всеми при реальном издевательском подтрунивании всех над всеми. А с другой стороны – злой смех без всякого притворства.

Ещё древние знали, что насмешливое отношение к жизни – это *eironeia*, притворство. А неприкрытая, резкая, язвительная или терзающая насмешка – это и есть терзание, разъедание, по-гречески *sarcasmos* – сарказм. Таким смехом смеются греческие боги над прикованным к скале Прометеем. С таким смехом в начале Библии змей подползает к Адаму и Еве со словами: «Истинно ли говорит Господь?» Им-то в его словах чудится ирония над Господом (ведь змей называет своим господином Того, в истинность слов которого сам не верит) – а это язвительная и терзающая насмешка, направленная на самих людей...

В тот год, когда Гоголь взялся за «Ревизора», в его книге «Арабески» увидела свет повесть «Портрет». Герой этой повести, художник-монах, говорит: «В мире нашем всё устроено Всемогущим так, что совершается всё в естественном порядке». Поэтому дьявол не может найти щель и прорваться в мир. Но, продолжает герой повести, «с каждым днём законы природы будут становиться слабее и оттого границы, удерживающие сверхъестественное, приступнее».

Вспомним теперь, как уездные чиновники, принявшие Хлестакова за ревизора, пытаются объяснить своё затмение: «Точно туман какой-то ошеломил, чёрт попутал». Но ведь чёрт их попутал прежде всего потому, что они сами старательно запутали свою жизнь, по мере сил нарушая все законы Божеские и человеческие. Гоголь чётко, пророчески ясно указал всю меру ответственности человека за нарушение морального Закона, от которого происходят и пагубные для всех нарушения законов государства, и даже нарушения законов природы. Хотя в гоголевскую эпоху то губительное воздействие человеческой жадности и безответственности на природу нашей планеты, которое мы видим в наши дни, ещё трудно было себе даже представить...

Литература и примечания:

1. Гоголь Н.В. Собр. соч. в 7 т. – М., 1978. – Т. 7.
2. Переписка Н.В. Гоголя в 2 т. – М., 1988. – Т. 2.
3. Пушкин А.С. Полн. собр. соч. – М., 1948. – Т. 8, кн. 1.
4. Гоголь Н.В. Материалы и исследования. – М.-Л., 1936. – Т. 1.
5. Манн Ю.В. Постигая Гоголя. – М., 2005.
6. Квітка-Основ'яненко Г.Ф. Збір. творів у 7 т. – К., 1978. – Т. 1.

Анотація

Сміх Гоголя – це і є його «українськість». Сам Гоголь ідентифікує своє сміхове завдання «чорта пошити в дурня» як суто українське. «Ревізор» віддзеркалює довготривалу українську традицію сміху (сміхової культури).

Аннотация

Смех Гоголя – это и есть его «украинскость». Сам Гоголь идентифицирует свою смеховую задачу «черта выставит дураком» как специфически украинскую. «Ревизор» отразил давнюю украинскую традицию смеха (смеховой культуры).

Summary

Gogol's laughter and his "Ukrainianness" are the same. Gogol by himself had identified his task in the world of laughter as "to present the Devil as a fool" – and this task, for Gogol, is a special Ukrainian one. "The Inspector General" ("Revizor") had reflected the long Ukrainian tradition of laughter (the "culture of laughter").

Колосова Н.А. (Киев)

«РЕВИЗОР» Н.В. ГОГОЛЯ В 20-30 ГОДЫ XX ВЕКА

Сюжеты имеют свойство повторяться и множиться. Бывает, сюжеты-двойники встречаются на перекрёстках времени и начинают спорить как антиподы. А иногда случаются даже «эпидемии» того или иного сюжета. Такие моменты особенно интересны. Что вызывает их к жизни? На этот вопрос мы попытаемся ответить.

«Эпидемией» называли постановки гоголевского «Ревизора» в 20-30-е годы XX века. Начало никакой бури не предвещало. Под знаком «сохранения советской властью наследия прошлого» [1; 183-276] проходят постановки «Ревизора» в академических театрах. В